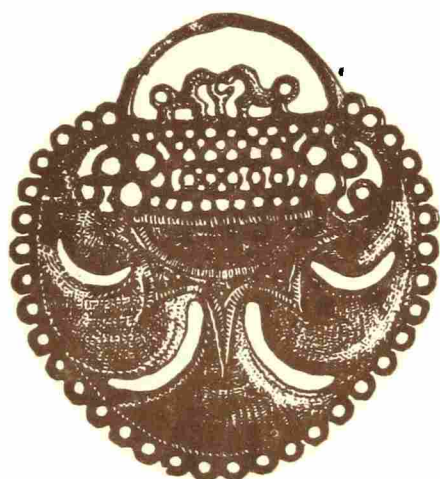

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ **АРХЕОЛОГИЯ**

3
1975

1. Находки археологами остатков нефти и асфальта на территории нашей страны свидетельствуют о том, что в древности и в эпоху средневековья племена и народы, обитавшие на берегах Черного моря, добывали и использовали нефть, хранили и транспортировали ее в значительных количествах (по тому времени) в амфорах и кувшинах. При этом нефть, добываемую на Керченском и Таманском полуостровах, использовали на месте и вывозили в другие пункты Причерноморья и в Византию.

2. До последнего времени в истории нефтяного дела принято было считать единственным древнейшим центром добычи нефти и асфальта в нашей стране Баку или, более широко, Апшеронский полуостров Каспийского моря⁷. Из всего сказанного выше очевидно, что не менее, а может быть и более древним районом возникновения и развития нефтяного дела на территории СССР являются северные берега Черного моря — Таманский и Керченский полуострова.

⁷ А. К. Трошин. История нефтяной техники в России. М., 1958, стр. 5—28 сл; С. Р. Сергиенко. Очерк развития химии и переработки нефти. М., 1955, стр. 17—28.

Ю. П. МАНЫЛОВ

МРАМОРНЫЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ ДЕТАЛИ ИЗ СУЛТАНУИЗДАГА

В конце 1966 г. в государственный историко-краеведческий музей Каракалпакской АССР поступили два барабана колонн и две капители¹. Все находки были обнаружены при строительстве опоры под высоковольтную линию в горах Султануиздага в 81 км к югу от г. Нукуса, в 400 м восточнее шоссе Нукус — Турткуль.

Капители и барабаны колонн изготовлены из серого мелкозернистого мрамора, месторождение которого находится в 1—1,5 км юго-западнее данного места.

Капитель (рис. 1) сделана в виде лежащих животных с маленькими хвостиками, поджатыми под себя ногами и лицом человека. Животные изображены очень обобщенно, наблюдается упрощение некоторых деталей. Несмотря на это, контуры туловищ животных на боковых сторонах капителей выполнены анатомически правильно. Головы направлены в разные стороны. Вероятно, одна голова отбита при обработке.

Лицо человека несколько удлинено. Подбородок тонкий и узкий. Прямой, уплощенный нос переходит в низкий лоб. В изображении лица детали не конкретизируются. В двух округлой формы углублениях намечены овалы глаз. Под носом имеется небольшое возвышение (усы?).

На голове, вероятно, изображен головной убор с небольшим козырьком. Он отчетливо выступает над лбом и закрывает его верх. Головной убор сверху немного приплюснут и заканчивается на затылке небольшим уступом, а на висках — двумя крутыми сильно выступающими завитками наподобие рогов барана. Вдоль этих завитков с внутренней стороны выточены глубокие полуовальные ложбинки.

Не исключено, однако, что перед нами не головной убор, а полиморфный образ местного божества с рогами и туловищем барана и лицом человека².

¹ Сообщения об этой находке см.: Ш. Бабашев, А. А. Абдуллаев. Загадки двуглавого сфинкса. «Вокруг света», 1967, 4, стр. 67; «Неделя» — приложение к газете «Известия», 30 апреля — 6 мая 1967 г., № 19 (375), стр. 2. Комментарий член-кор. АН СССР профессора С. П. Толстова.

² Г. А. Пугаченкова. Зодчество Средней Азии в исторических связях. Сб. «История иранского государства и искусства». М., 1971, стр. 239.

На спинах высечен прямоугольник во всю ширину капители высотой 20 см и длиной 55 см. На боковых сторонах его в простом обрамлении сделаны прямоугольные углубления.

Нижняя сторона капители плоская. В центре имеется цилиндрической формы углубление диаметром 14 см и глубиной 12 см, предназначенное для скрепления с последним барабаном колонны.

Длина капители равна 98 см, ширина 25 см, максимальная высота 40 см. Вся ее поверхность после обработки инструментом тщательно отполирована.

Вторая капитель (рис 2, 1) представляет собой прямоугольный блок размером 95×45×20—28 см. К основанию капитель немного расширяется. Вероятно, ее предполагалось выполнить так же, как и описанную выше. На заготовке сделаны пропилы шириной 4—6 см, отделяющие головы от остальной части блока. Края спилов блока, где еще не касался инструмент мастера, гладкие. На заготовке намечена обработка голов и поджатых под туловища ног. Хорошо видны на голове кончики рогов. На нижней стороне имеется углубление для скрепления с колонной. Вся поверхность заготовки покрыта следами, оставшимися от ударов инструментом, ширина рабочей части которого 1,5—2 см. Мрамор пилили, вероятно, металлической пластиной с подсыпкой сырого песка. Толщина ее не превышает 3—4 мм.

Кроме описанных капителей, найден еще один блок размером 91×34×33 см со следами спилов, но без признаков обработки.

Вместе с капителями найдены два барабана колонн. Длина одного из них, более сохранившегося, достигает 88 см. Диаметр оснований 32 см. На одной из торцовых сторон барабана имеется прямоугольный выступ (шкворень) высотой около 5 см для скрепления со следующим барабаном или капителью (рис. 2, 2).

Другой барабан колонны худшей сохранности имеет диаметр 30 см и высоту около 60 см. Верх его отбит (рис. 2, 3). Оба барабана имеют по одному поясу со сложной профилировкой.

Среди многочисленных опубликованных капителей и колонн султануиздагские находки стоят пока особняком и не падают прямых аналогий.

Трактовка передних частей животных на капителях Султануиздага сближает их с ахеменидскими капителями³.

Некоторое сходство капители Султануиздага обнаруживают и с капителями Бактрии и более южных областей первых веков нашей эры. На указанной территории в кушанское время существовал обычай украшать пилястры, пилоны и колонны капителями с изображениями реальных или фантастических животных. Исследователи относят этот обычай к древне-

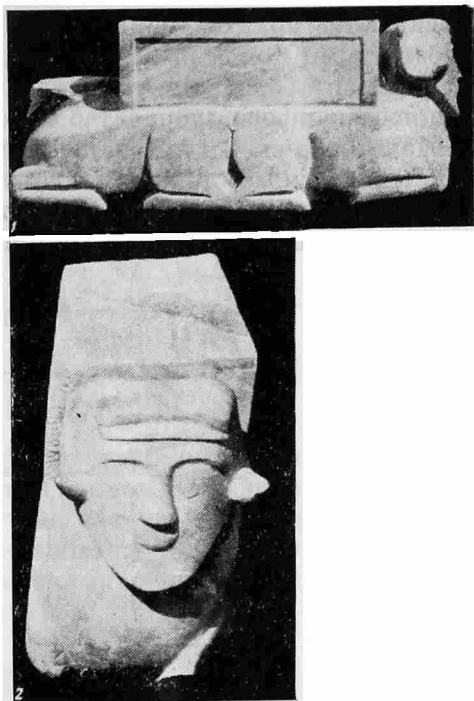

Рис. 1. Мраморная капитель из Султануиздага

³ S. Casson. Achaemenid architecture. Survey of Persian Art. London — New York, 1941, fig. 44, d, e; fig. 48, b, c, d, e; fig. 55.

персидским архитектурным традициям⁴. Животные выполнены лежа с поджатыми под себя ногами, головами в разные стороны. Существенным отличием от более монументальных капителей Султануиздага является пышное аканфовое убранство и несколько другая поза животных⁵.

Некоторое сходство с нашими капителями имеет капитель в виде обращенных в разные стороны животных на костяной пластинке из Беграма⁶.

Архитектурные детали из Султануиздага, несмотря на отсутствие публикации, давно стали предметом широкого обсуждения.

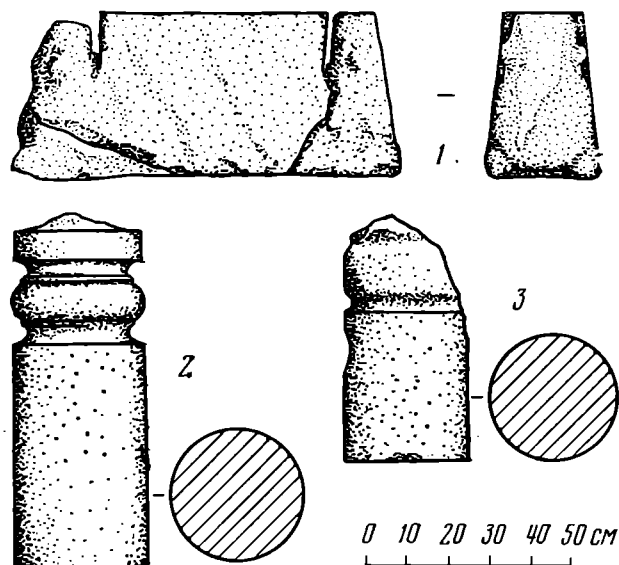

Рис. 2. Мраморная капитель и барабаны колонн из Султануиздага

С. П. Толстов считает, что «по стилю мраморная композиция близка к древнеперсидским архитектурным традициям, относится приблизительно ко II—III вв. н. э.»⁷.

Г. А. Пугаченкова отмечает «общность султануиздагской капители с каменными капителями ахеменидского зодчества»⁸.

Б. Я. Ставиский полагает, что «отнесение этой капители к ахеменидскому времени ошибочно. Скорее ее следует датировать первыми веками нашей эры, т. е. кушанским периодом»⁹.

Опубликованный Л. И. Ремпелем рисунок капители «в форме птицы-зверя с бараньей головой», якобы происходящей с Устюрта, ничего общего с оригиналом не имеет¹⁰.

⁴ Б. Я. Ставиский. Средняя Азия и Ахеменидский Иран. Сб. «История иранского государства и искусства». М., 1971, стр. 160; A. Grünwedel. *Buddhistische Kunst*. Berlin, 1900, S. 17.

⁵ Б. Я. Ставиский. Фрагменты каменных рельефов и деталей архитектурного убранства из раскопок Кара-Тепе 1961—1964 гг. Сб. «Буддийские пещеры Кара-Тепе в старом Термезе». М., 1969, стр. 159—164, рис. 38 — а, 39; А. Мухтаров. Новые находки каменных капителей кушанского времени из Шахринау. Изв. отделения обществ. наук АН Таджикской ССР, № 3 (53), Душанбе, 1968, стр. 38—40; B. Bowland. *The art and architecture of India*. Baltimore, 1953, p. 46, fig. 3, pl. 9, 11, 25.

⁶ J. Auboyer. *Afghanistan und seine Kunst*. Prague, 1968, Taf. 24.

⁷ «Неделя», 1967, 19 (375), стр. 2.

⁸ Г. А. Пугаченкова. Ук. соч., стр. 239.

⁹ Б. Я. Ставиский. Средняя Азия и Ахеменидский Иран, стр. 162, 163.

¹⁰ И. Ахраров, Л. Ремпель. Резной штук Афрасиаба. Ташкент, 1971, стр. 115, рис. 90, в.

Отсутствие прямых аналогий и сопровождающего археологического материала затрудняет отнесение архитектурных деталей к конкретному историческому периоду и позволяет нам оставить вопрос об их датировке открытым.

Найденные в горах Султануиздага архитектурные детали свидетельствуют о высоком уровне развития архитектуры в Хорезме.

Э. А. СИМОНОВИЧ

ОБ ОДНОЙ КАТЕГОРИИ НАХОДОК НА ПАМЯТНИКАХ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Невзрачные изделия из бронзы в виде заостренного, обычно перевитого стерженька с загнутым в виде крючка концом не привлекали внимания исследователей черняховской культуры. Между тем широкое территориальное распространение подобных предметов, их назначение и роль для выяснения связей с пшеворско-оксывскими областями и хронологии памятников представляет несомненный интерес.

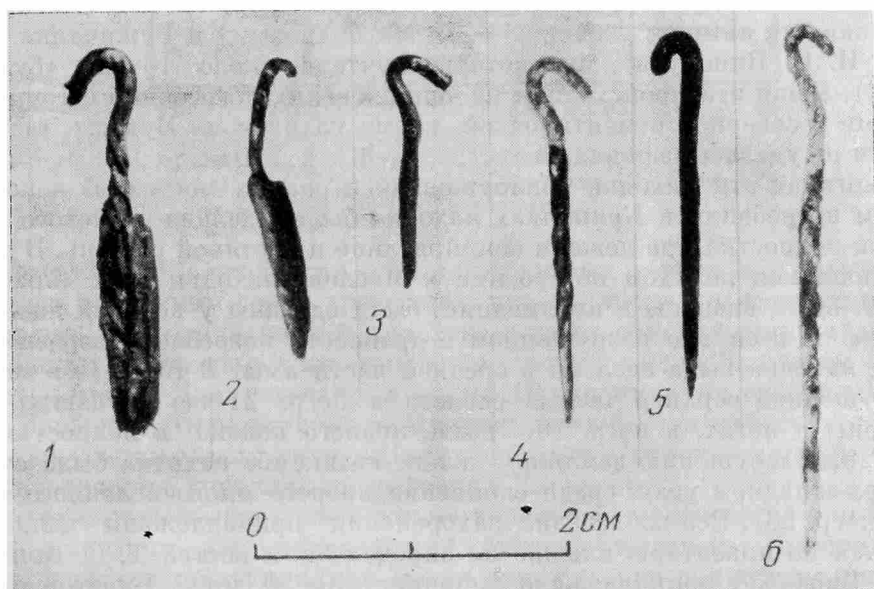

Рис. 1. Бронзовые крючковатые «булавки»: 1—3 — Коблево (на № 1—2 видны остатки дерева); 4 — Журавка; 5 — из собрания музея в бывш. Эльбинге (по Е. Блюме); 6 — Кринички

Рассмотрение таких предметов показало, что их длина не превышает 25—30 мм, а сечение — 1—1,5 мм. Изогнутость тупой верхней части разная — от округло-кольцевой головки до угловато-изогнутого крючка (рис. 1). Определение металла этих изделий из двух пунктов показало содержание сплавов.

Представленные в таблице элементы сплавов достаточно разнообразны даже на материалах одного памятника (см. Коблево). По данным Т. Б. Барцевой и Е. Н. Черных, делавших спектральный анализ металла, здесь представлены группы сплавов 3, 4, 5¹, т. е. изделия из меди (№ 5108, 5111, 5113) и оловянистых бронз (№ 2512, 2566).

¹ Т. Б. Барцева, Е. Н. Черных. Сплавы цветных металлов. Сб. «Металл черняховской культуры». М., 1972, стр. 96, № 2566; стр. 104, № 5108, 5111, 5112, 5113.

А К А Д Е М И Я Н А У К У З Б Е К С К О Й С С Р

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания девятый

3

1965

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“ УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ

В 1931 г. на земельно-водное устройство колхозов Узбекистана государство выделило кредит в сумме 5,5 млн. руб. Колхозы республики получили 160 тыс. га новых земель, обеспеченных водой, и значительное количество минеральных удобрений. Были приняты меры к организационно-хозяйственному укреплению колхозов. Коллективные хозяйства пользовались различными льготами, предоставленными им Советским государством, всемерно содействовавшим упрочению и победе колхозного строя.

Все это способствовало дальнейшему росту колхозного движения в Узбекистане. В конце 1933 г. 77,5% дехканских хозяйств республики уже были объединены в колхозы. Около 20 районов было коллективизировано на 90—100%. Особенно высокие темпы коллективизации были достигнуты в хлопковых районах, обслуживаемых МТС и их конно-плужными бригадами.

В результате коллективизации сельского хозяйства произошли коренные изменения в соотношении различных экономических укладов в пользу социалистического сектора, удельный вес которого в 1932 г. составил 80,2%. В нашей стране был ликвидирован

последний эксплуататорский класс — кулачество. Изменилась классовая природа крестьянства — из носителя мелкоотварных, частнокапиталистических производственных отношений оно стало носителем новых, социалистических производственных отношений.

В ходе дальнейшего развертывания строительства социализма под руководством Коммунистической партии, при всемерной помощи и поддержке рабочего класса трудовое дехканство Узбекистана, как и все многомиллионное советское крестьянство, навсегда избавившееся от кулацкой кабалы, разорения и нищеты, прочно встало на путь социализма.

Переход советской деревни, в том числе узбекского кишлака, к крупному социалистическому сельскому хозяйству означал, как подчеркивается в Программе КПСС, великую революцию в экономических отношениях, во всем укладе жизни крестьянства. Колхозный строй стал неотъемлемой частью советского социалистического общества, массовой школой коммунизма для крестьян.

Х. Азиков

РАБОТЫ НА ГОРОДИЩЕ ПИЛЬ-КАЛА В 1963 ГОДУ

В 1963 г. сотрудники сектора археологии и этнографии Института истории, языка и литературы и историко-краеведческого музея Каракалпакского филиала АН УзССР проводили археологические раскопки городища Пиль-кала.

Впервые Пиль-кала была обследована в 1874 г. членом Русского географического общества Л. Н. Соболевым¹. Однако результаты этого обследования не были опубликованы. В 1937 г. крепость была изучена Я. Г. Гулямовым, а также Хорезмской экспедицией АН СССР под руководством С. П. Толстова². Археологический отряд, возглавляемый А. И. Тереножкиным, произвел шурфовку памятника, сделал его описание и снял схематический план. Крепость была предварительно датирована III—IV вв. н. э. А. И. Тереножкин отметил, что Пиль-кала сохранила в народной памяти название смытого замка хорезмшахов Филя в окрестностях г. Кыта — древней столицы Хорезма³.

В 1939—1940 и 1946 гг. Пиль-калу посещали сотрудники Хорезмской экспедиции, которые собрали незначительный подъем-

ный материал и сфотографировали основные детали крепости⁴.

Обобщая итоги работ Хорезмской экспедиции за 1937—1947 гг., С. П. Толстов дал описание городища Пиль-кала и предположительно датировал его II—III вв. По мнению С. П. Толстова, современное название крепости происходит от первоначальной формы «Филь»⁵.

Описание и краткий анализ Пиль-калы мы находим в монографии Я. Г. Гулямова «История орошения Хорезма»⁶, а также в I томе «Истории Туркмении»⁷.

Окрестности городища в археологическом отношении изучены еще очень слабо, поскольку территория вокруг него на протяжении последнего столетия неоднократно перепахивалась. Подъемный материал встречается на огромной площади к северовостоку и югу от крепости и может быть предварительно датирован VIII—XIV вв. Вероятно, здесь существовали многочисленные сельские поселения, которые можно связывать с сельской округой средневекового Кыта.

¹ Н. Н. Вактурская, М. Г. Воробьева, Хроника Хорезмской экспедиции АН СССР, Материалы Хорезмской экспедиции (в дальнейшем МХЭ) М., 1952, т. I, стр. 620, 623, 629.

² С. П. Толстов, По следам..., стр. 192, рис. 66, 67.

³ Я. Г. Гулямов, История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней, Изд-во АН УзССР, 1957, стр. 3.

⁴ История Туркмении, Ашхабад, 1957, стр. 139.

¹ П. И. Лерх, Монеты бухар-худатов. Труды Восточного отделения Русского археологического общества, ч. XVIII, СПб., 1874—1909, стр. 118.

² С. П. Толстов, По следам древне-хорезмийской цивилизации, М., Изд-во АН СССР, 1948, стр. 25.

³ А. И. Тереножкин, Археологические разведки в Хорезме, журн. «Советская археология», 1940, VI, стр. 170, 173—174.

Городище Пиль-кала (рис. 1) расположено в 1,5—2 км к северу от поселка Бируни Бирунийского района Каракалпакской АССР, на острове посреди небольшого озера. Крепость занимает площадь около 5 га и ориентирована стенами по сторонам света. В настоящее время ее стены сильно разрушены, от них остались лишь небольшой вал и многочисленные выступы на наружной поверхности стен. Никаких следов видимой планировки внутри крепости не наблюдается. Вся средняя часть городища вес-

до 400 см. Сложены они из кирпича размером $37-40 \times 37-40 \times 9-10$ см и $44-46 \times ? \times 12$ см или комбинированной кладкой, в которой пахса достигает 19—20 см толщины. К одной из стен внутрикольных помещений приставлена стена из кирпичей $45 \times 28 \times 12$ см, $45 \times 30 \times 20$ см. Назначение ее пока не выяснено.

Пространство внутри стен заполнено аллювиальным песком с комками зеленоватой болотной глины. Из такой же глины сделан и сырцовый кирпич. Это позволяет предпо-

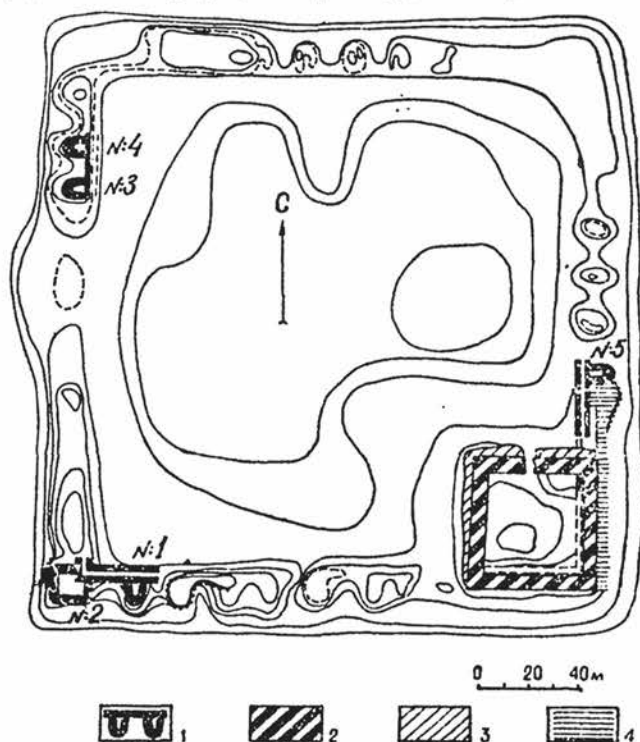

Рис. 1. Городище Пиль-кала. Общий план.

1 — стены и башни крепости IV—II вв. до н. э., 2 — стены стилобата, 3 — основание стилобата, 4 — пандус.

ной и летом залита водой; в восточной его части находится небольшая, но глубокая яма, всегда заполненная водой.

В юго-восточном углу возвышается прямоугольник пахсовых стен, внутри которого также не обнаружено следов планировки.

Раскопкам были подвергнуты две наиболее сохранившиеся башни в западной стене, угловая юго-западная башня и первая от нее башня по южной стене. Работы показали, что это не стрелковые башни, а только их цокольные части, так как ни в одной из них не обнаружено полов и культурного слоя. Цоколи башен имеют полуовальную форму, выступая из плоскости наружной стены на 950 см, при максимальной ширине 875 см. Стены цоколей достигают толщины до 275 см, увеличиваясь в передней части

ложить, что во время строительства крепости вокруг нее было озеро. Возведение Пиль-калы посреди озера не является уникальным. Это довольно обычный прием строительства. Например, в Хорезме так же построены Якке-парсан⁸ и Шурахан⁹.

Работы на юго-западной угловой башне сводились к уточнению ее формы. В описаниях и на планах предшествующих исследователей здесь обычно помещают башню типа «ласточкин хвост» (С. П. Толстов¹⁰ и

⁸ С. П. Толстов, По древним дельтам Окса и Яксарта, М., Изд-во восточной литературы, 1962, стр. 257, рис. 164.

⁹ С. П. Толстов, По следам..., стр. 237, рис. 83.

¹⁰ С. П. Толстов, По следам..., стр. 192

В. А. Лавров¹¹) или башню в виде четверти круга (А. И. Тереножкин¹²). Однако нами установлено, что цоколь башни имеет прямоугольную форму размером 17×17 м. Ширина стены цоколя колеблется от 330 до 370 см. Внутрницокольное помещение заполнено комками глины и аллювиальным песком. О форме башен на остальных углах ничего определенного сказать нельзя, так как они полностью уничтожены.

Цоколи башен отстоят один от другого на расстоянии около 10 м и не связаны конструктивно с внешней стеной стрелкового коридора. Цоколи стены стрелкового коридора сложены из пахсы и достигают в ширину 160—210 см. Промежуток между ними заполнен кирпичом размером 40×40×10 см или половинками кирпичей, небрежно сложенными на толстом слое раствора. Расчетка стрелкового коридора около башен № 3 и № 4 показала, что под внутренней стеной стрелкового коридора цоколь отсутствует. Никаких других признаков существования этой стены также не имеется. Цоколь внутренней стены стрелкового коридора около башни № 1 находится на незначительной высоте, тогда как закладка под пол стрелкового коридора сохранилась на высоту, втрое большую. Это указывает на очередность строительства отдельных частей крепости. Сначала, по-видимому, были поставлены цоколи под стрелковые башни и внешнюю стену стрелкового коридора; полуманый кирпич на толстом слое раствора укладывался в забутовку под пол стрелкового коридора. Затем возводили цоколь под внутреннюю стену. Такой способ строительства позволял быстрее закончить сооружение цоколя и приступить к возведению крепостных стен.

Отсутствие культурного слоя в башнях и стрелковом коридоре, полов и цоколя под внутренней стеной крепости в ее западной части говорит о том, что крепость не была достроена или ее строительство стало почему-то нецелесообразным.

При расчистке цоколей башен в забутовке обнаружено несколько характерных фрагментов керамики. Наибольший интерес представляет фрагмент хумчи, имеющий округлый в сечении венчик, короткую шейку и выпуклый валик на плечиках (рис. 2.1). Глина, из которой изготовлен сосуд, красноватая, тщательно промешана и отмучена. Отошитель мелко измелчен и равномерно распределен по тесту. Внешняя поверхность сосуда светлая. Хумчи такого типа были широко распространены в раннекангюское

время. Наш сосуд может быть датирован IV—II вв. до н. э.¹³

К керамике того же времени, на наш взгляд, следует отнести стенку хума или хумчи (рис. 2.2). Тесто и цвет черепка аналогичны вышеописанному. Внешняя поверхность имеет горизонтальные конелюры, характерные для раннего периода истории Хорезма.

Мисочки представлены одним венчиком со скошенным краем (рис. 2.3). Тесто, из которого изготовлена мисочка, тщательно приготовлено. Снаружи она имеет светлую окраску и следы покрытия красным ангобом. Сосуды такого типа бытовали в Хорезме на протяжении всего античного периода.

Из других фрагментов необходимо отметить венчик сосуда треугольной в сечении формы (рис. 2.4). Тесто содержит большое количество гипса. Сосуды с подобными венчиками также встречаются в кангюское и кушанское время.

При зачистке снаружи цоколей № 3 и 4 найдены фрагменты ручки кувшина (рис. 2.5) афригидского времени и стенки нижней части дигира. Эти фрагменты могли попасть в крепость в VIII—XIV вв. из окрестностей городища.

Таким образом, керамика с городища очень малочисленна и недостаточна для определения времени возведения крепости.

Обратимся к рассмотрению фортификации Пиль-калы.

Частое расположение полуовальных башен сближает наш памятник с крепостью II—IV вв. н. э. Аяз-кала I¹⁴. Однако полуовальные башни известны и в более ранних крепостях, как Кюзели-гыр (V—III вв. до н. э.)¹⁵, в предвратных сооружениях Джанбас-калы (IV в. до н. э. — I в. н. э.)¹⁶ и Кой-Крылган-калы (IV—III вв. до н. э.)¹⁷.

Прямоугольные, охватывающие угол крепости башни известны также на городище раннекангюского времени Хазарасп (IV в. до н. э.)¹⁸, на крепости IV—III вв. до н. э. Анга-кала¹⁹. Аналоги к фортификации из других областей Средней Азии в данном случае вряд ли будут иметь какое-либо зна-

¹⁴ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 103.

¹⁵ С. П. Толстов, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., МХЭ, т. II, 1958, стр. 144.

¹⁶ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 92, рис. 29.

¹⁷ С. П. Толстов, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, МХЭ, I, 1959, стр. 18; МХЭ, IV, стр. 348—349, 366.

¹⁸ М. Г. Воробьева, М. С. Лапир-о-Скобло и Е. Е. Неразник, Археологические работы в Хазараспе в 1958—1960 гг., МХЭ, 1963, вып. 6, стр. 195, рис. 18.

¹⁹ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 114, рис. 50.

¹¹ В. А. Лавров, Градостроительная культура Средней Азии, М., Изд-во архитектуры и градостроительства, 1950, стр. 43, рис. 87.

¹² С. П. Толстов, Древний Хорезм, Изд-во МГУ, 1948, стр. 124, рис. 67.

¹³ М. Г. Воробьева, Керамика античного периода Хорезма, МХЭ, М., 1959, т. IV, стр. 93, рис. 9; стр. 97, рис. 11, 6.

чение, поскольку развитие в них шло, видимо, разными путями, отражая местные особенности.

Таким образом, на данном этапе датировку крепости II—IV вв. н. э. нельзя считать окончательной.

По сведениям информаторов, при вывозе песка в начале 30-х годов нашего столетия из прямоугольника стен в юго-восточном углу были обнаружены три каменные базы колонн. Нам удалось найти лишь одну из них (рис. 2, 6). База имеет квадратную в плане форму и сделана из песчаника серого цвета. Обработаны только две ее стороны, что еще раз подчеркивает незавершенность

более соответствует действительности²². Этой же точки зрения придерживается и А. В. Гудкова²³.

Резюмируя вышесказанное, мы приходим к выводу, что базы подобной формы были, видимо, характерны для Хорезма кангюйского времени, что является подтверждением ранней датировки крепости.

Для датировки сооружения, расположенного в юго-восточном углу городища, и соотношения его с крепостью к северу от этого сооружения были произведены поверхностные зачистки на крепостной стене. Сооружение имеет квадратную в плане форму и сильно выдается за стены стрелко-

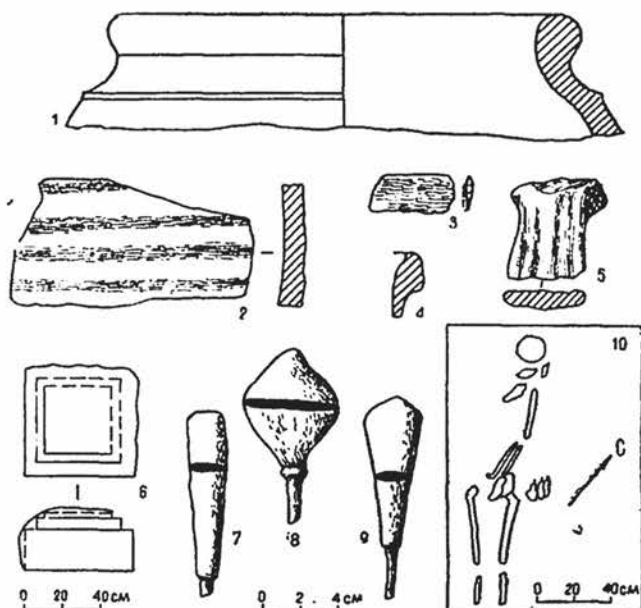

Рис. 2. Керамика, стрелы, база колонны и план погребения с городища Пиль-кажа.

строительства крепости. База имеет три ступени, высота ее 32 см; длина по основанию — 58 см. Базы подобной формы, но больших размеров известны в Хорезме на городище Калалы-гир I, где они датируются рубежом V—IV вв. до н. э.²⁰ Базы аналогичной формы найдены также на городище Гяур-кала в горах Султан-Унзадага, которое Ю. А. Рапопорт и С. А. Трудновская относили ко II в. н. э.²¹ Однако мы считаем, что датировка Гяур-калы кангюйским временем, предложенная С. П. Толстовым,

более соответствует действительности²². Этой же точки зрения придерживается и А. В. Гудкова²³.

О значении этого сооружения высказывались различные мнения. А. И. Тереножкин считал его главным укреплением крепости — доном²⁴. Этому же мнению придержи-

²⁰ Ю. А. Рапопорт и М. С. Лапир-О-Скобло, Раскопки дворцового здания на городище Калалы-гир I в 1958 г., МХЭ, вып. 6, стр. 141, 146, рис. 3.

²¹ Ю. А. Рапопорт и С. А. Трудновская, Городище Гяур-кала, МХЭ, 1958, т. II, стр. 359—360, рис. 7, 4.

²² С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 169.

²³ А. В. Гудкова, Ток-кала, Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1964, стр. 23.

²⁴ А. И. Тереножкин, указ. соч., стр. 175.

вается и В. А. Лавров²⁶. Я. Г. Гулямов высказал предположение, что это «постамент недостроенной жилой башни типа постаментов Джильдык-кала, жилой башни Топрак-кала»²⁶.

Отсутствие каких-либо оборонительных приспособлений типа башен, стрелковых бойниц опровергает мнение А. И. Тереножкина и В. А. Лаврова. Вряд ли можно допустить, что донжон строился в расчете на пассивное отсиживание защитников крепости в случае осады.

Произведенные работы полностью подтвердили мнение Я. Г. Гулямова. Поверхностные зачистки и шурф (210×200 см) в северо-восточном углу прямоугольника стен позволили установить отсутствие каких-либо признаков культурного слоя.

По сведениям информаторов, в 30-х годах из этого сооружения было вывезено большое количество песка. Возможно, что песком предполагалось засыпать все пространство внутри прямоугольника, а на образовавшейся площадке возвести задуманное строение. Этот строительный прием перекликается с очень древним способом использования барханов в качестве цоколя под жилые сооружения. При этом высокий бархан покрывали толстым глиняным панцирем²⁷. В данном случае, в первую очередь необходимо было построить окаймляющие стены, а затем засыпать песком образовавшуюся коробку.

Для определения соотношения стилобата с крепостью были произведены поверхностные зачистки, позволившие выяснить их одновременность. Стены стрелкового коридора резко обрываются в трех метрах от трапециевидного цоколя под северной стеной, а затем внутренняя стена стрелкового

коридора проходит вдоль восточной стены стилобата на расстоянии 210 см.

Вероятно, именно эта стена и аналогичная ей, идущая вдоль южной стены стилобата, и были приняты А. И. Тереножкиным за стены жилой постройки²⁸, которая нами нигде не обнаружена.

В 250 см от внешней стены стрелкового коридора, к северу от стилобата, обнаружена другая стена толщиной до 5—6 м из кирпичей античных размеров, чередующихся со слоями пахсы. Она прослежена на расстоянии 8 м по направлению к башне № 5, где поворачивает под углом 90° к внешней стене стрелкового коридора. Эта стена, — видимо, начало недостроенного пандуса, который предполагалось построить вдоль восточной стены на верх стилобата. При этом угол подъема не превышал бы 10—12°. Возведение этого сооружения предположительно можно отнести к VII—VIII вв.

При расчистке юго-западной угловой башни в 50 см от западной стены обнаружено плохо сохранившееся захоронение (рис. 2, 10). Костяк лежал в неглубокой ямке и был ориентирован головой на северо-запад. Большинство костей отсутствует. С восточной стороны лежали три массивных железных наконечника стрел (рис. 2, 7—9), которые по аналогиям из Южного Казахстана и Семиречья могут быть датированы XIII—XIV вв.²⁹ Захоронений с оружием в Хорезме для этого времени нам не известно.

Мы надеемся, что материалы, полученные нами при работе на Пиль-кале, помогут полнее осветить некоторые вопросы античной и средневековой истории Хорезма.

Ю. П. Манылов

К ИСТОРИИ КАРАХАНИДОВ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XI ВЕКА

Данная статья является продолжением начатой нами работы по изучению истории Караханидов в свете нумизматических данных. Вначале¹ нами были рассмотрены некоторые вопросы из истории первых четырех караханидских правителей — «алидов», т. е. сыновей Али б. Мусы — Насра (завоевавшего в 389/999 г. х. Бухару и положившего конец империи Саманидов), Ахмада, Мухаммада Арслан-хана I и их старшего брата Туган-хана I, сидевшего в Восточном Туркестане и бывшего номинальным главой династии. Этот период охватывает около трех десятилетий, с 386(996) г. х.,

когда на монетах Ферганы впервые появился титул Насра, по 415(1024—25) г. х., когда умер Мухаммад б. Али. Нами были установлены индивидуальные титулы этих правителей, время и место их появления на исторической арене, состав и изменения их уделов и иерархические взаимоотношения между ними.

Следующий период, охватывающий 1025—1050 гг., является наиболее сложным и малоосвоенным в истории Караханидов XI в. Это время правления в Самарканде и Бухаре Али Тегина (415—426/1034—1045 гг.) и его сыновей (не

²⁶ В. А. Лавров, указ. соч., стр. 40.

²⁶ Я. Г. Гулямов, указ. соч., стр. 111.

²⁷ С. П. Толстов, По следам..., стр. 175.

¹ См. М. Н. Федоров, Клад караханидских дирхемов начала XI в. из Ташкента, в сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. V, Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1964, стр. 96—111.

²⁸ А. И. Тереножкин, указ. соч., стр. 175.

²⁹ Археологическая карта Казахстана, Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1958, табл. 3, 82—84, 87—88; Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина», «Материалы и исследования по археологии СССР», № 14, М.—Л., Изд-во АН СССР, табл. XCV, 259.